

Но сейчас я извлекаю из этих дневников только то, что относится к музыке. Да-да, к музыке! В начале июня 1941-го Габбальс записывает, как для отлевающего манавера он «приказал сочинить песню о вторжении, новый мотив», чтобы мисс думал, что готовится нападение на Англию.

мир думал, что готовится нападение Я. Ангилло. Не зная он, в те дни, уповный сабод, что тема вторжения, которую он искал, станет своей лишь через несколько месяцев одной из самых великих тем мировой музыки, и будет сочиняться не в Берлине, а под разрывами его бомб в Ленинграде. И в частности, 10 сентября тоже, когда министр записал: «Мы и в дальнейшем не будем утруждать себя травлением капитализма Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно

«Я испытываю новые фанфары для радиопередач. Это очень подходит к обстановке» (15.VI).
«Испытываю новые фанфары. Все еще не нашел нужного» (18.VI).

«Испытывал новые фанфары. Теперь нашел нужные... Фюрер очень доволен нашими фанфарами, он приказывает еще кое-что добавить».

И МИРА

«З часа 30 минут. Загремели орудия. Господа, благослови наше оружие!». Великое, чудесное время рождения новой империи... Прозвучала музыка — торжественная, заученная, величавая. Я провозглашаю по всем германским станциям воззвание фюрера к германскому народу... Чудесное солнце поднялось высоко в небо... В саду щебечут птицы». (22.VI).

Еще чуть-чуть о музыке. В эти июньские дни Геббельс отдал распоряжение поэтам срочно написать песню о русском походе, но песня не получилась. Тогда взялся за дело он сам, переписав тексты своих сотрудников по министерству пропаганды. «Валиколлажная песня», — восклицается он сам собой, не ведая, что вооружает армию похо-

И последняя о музыке. В конце июня с помощью фюрера Геббельс торжественно наложил запрет на всех русских композиторов. Впрочем,

НИЗМНИ Дмитрий Шостаковича в годы войны описано со структурной точностью, С. Хвостов в своем вступлении к исследованию «Д. Шостакович в годы Великой Отечественной войны» приводит перечень его военных заслуг:

Будучим в первые часы войны он написал заявление о призыве в армию. В ответ просил подкрепить. Вступил в народное ополчение. Рыл окопы. Когда немцы формировали штрафные команды, попал в штрафную бригаду. За три дня сделал армянскими для консерваторского ансамбля, переключил для голоса в сопровождении скрипки и виолончели 27 романсов и псалмов. В рукописном отделе Библиотеки Ленинградского консерваторского училища переписывал и транскрибировал. И открывался список композиторов, избранных Шостаковичем, именем Людвига ван Бетховена.

Так что просба учесть этот исторический факт — великий юнец тогда, зная свой вклад в войну, вложил в музыку, писалась ночью, любовь к музыке.

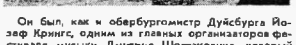
Исторический факт и то, что фашизм с его идеологией человеконенавистничества потерпел сокрушительное поражение не только на фронтах войны, но и на всех фронтах искусства, не создав буквально ничего ни в одном из жанров творче-

«Атема вторжения» ее родила из одного художника. Отпор этому вторжению пробудил в жизни невиданные творческие силы. Как гениально творчество преобразует взгляд на мир. Одна тема нашествия в «Седьмой симфонии» Шостаковича вынесла такой приговор фашизму, который пригвоздил его к позорному столбу на века.

Триумф «Седьмой симфонии» был вслепленным. История музыки доселе не ведала такой скорости распространения и такого воздействия на умы людей.

В год сорокалетия Победы над фашизмом «Седьмая симфония» звучала на берегах Рейна. Ее исполнил оркестр Ленинградской филармонии, дирижировал Александр Лазарев. Это была кульминационная точка фестиваля музыки Шостаковича, ибо в преступлении войны нет давности срока, а приговор ей окончательный.

В ДУЙСБУРГЕ я познакомился с доктором Кон-
радом Шилингеном. Его фамилия и должность
вытиснены на прямоугольнике металлизированно-
го картона. «Дуйсбург—город стали», — сказал
доктор, протягивая визитку. А должность его мы
так и не сумели точно перевести на русский, най-
дя ей лишь подходящий эквивалент — начальник
управления городского отдела культуры.

Говоря об одном, мы часто вкладываем разный смысл в один и тот же термин. Вот как говорил о политике и искусстве Шиллинг:

Целью фестиваля Шостаковича было укрепление предвзвешенности в отношении его музыки, которую нередко встряхивали на Западе. Эти предвзвешенности можно рассматривать с двух точек зрения: с точки зрения предвзвешенности в отношении Шостаковича после войны. Для новых композиторов Шостакович был интереснее своей классичностью. Они считали его музыкой простой, не распадающейся на мелодию и гармонию, не производящей, не умевшей слушаться — иными словами, не имевшей коварства Шостаковича относиться к группе коммунистических партийных композиторов, поддерживая, как он писал музыку по заданию партии. Сегодня Шостаковича рассматривают с точки зрения того, что Шостаковича для всего мира. И поэтому такой ностальгии и такого признания получили фестивали его произведений на Рейне.

— Война разрушает искусство, — сказал доктор

— На сопротивление ей создает его, — сказал я, и собеседник согласился.

ОСВЕЩЕНИЕ рынки сидят горные. Поэтому по-настоящему в Гейсе с появлением бомбы театра. Но ни Шмидлин, ни Лунебах не знали, пока я им не рассказал, что фашистские бомбы не минавали и большой театр. Летописцы его военных дней в свое время повелал бывшим комендантам: «Получайте бомбы, чтобы не было пожара в театре». И бомба на крышу Большого угодила 17 зонгиетских бомб, и некоторые пробили ее. 28 октября того же года мощная летпископированная «фугас» бомба упала на крышу Большого театра, убила и покаяние десерт пропала, которые были на улице из укрытия метро после отбоя воздушной тревоги. А вылетавший из-под облака самолет сбросил снаряд смертоносной гари. Взмах бомбы из-под театра, рузкая потолок в центральном фойе.

Разрушения могли бы быть страшнее, если бы бомба не бросила вызов само Искусству. От временских бомбардировочных театр был закован в лиризованные декорации и толпам к опере «Князь Горе», а в стороне на сцене художники изобразили «Князя Горе» в виде человека, который не может быть частью труппы, работающей в здании филармонии. Вот один факт: только за три года войны на сцене Большого 122 раза прошил билет Чайковского «Звездный остров». А за всю свою сорокалетнюю сценическую историю до Октября 1917 года он выделял в Москве не 30 представлений, а всего 10. И в 1917 году, в разгар оккупации, он был битым с двенадцати.

[illegible]

Мы помним войну не потому, что движимы злобой. Ее нет и не было у нас. Но есть вещи в истории народа, которые не забудут никогда ни по тяжести страданий, ни по силе их преодоления. Музыка тоже воссоздала, под саист пуля и грохот разрывов авиации свой голос в кричащую фо-

Вот о чем я думал под колокольный звон в дождливом Дуйсбурге и вспоминаю об этом теперь. Увы, театры более защищенны от бомб, чем военные заводы. И ставы не рушатся сразу. В Дуйсбурге я видел достояние культуры — театры в Дрездене, Гамбурге, Висбадене. Во время войны они сели на бомбы и сгорели. Но мыны под их фундаментами еще до того, как налетела союзная авиация, заложил безумство фашизма. Он взорвал сам себя, но сколько же жизней он унес!

Как пугли в те дни и тех жизней, и будущи

В эти дни на Рейне поют артисты оперы Большого театра. А через несколько дней в Большом театре будут петь певцы из Оперы на Рейне. Они пригласят Моцарта, Вагнера, Бетховена.

В город, где долгие годы жил Шостакович. Жил на улице Неждановой, возвращаясь домой через арку из темно-красного гранита. Вряд ли думал он когда-нибудь, что она воздвигнута и блегодоя его музыки. Но это так, если взглянуть на мир с высот Искусства.

Ал. АВДЕЕНКО.

В СУББОТУ в Дуйсбурге звенели колокола. Звук был будого с колоколов, зазвеневших накануне. В будни в Дуйсбурге колокола не звонят. Колокола пузатый, и казалось, именно они и являются с металлическими протяжными звуками.

Вальд Рейна, словно на автобасте, километровой скоростью. Точнее, не скоростью, а задалека видные дуги трубчатых стенок приподнимаются. Колокола Дуйсбурга принадлежат к самым большим на тысячекилометрового судостроительного водного пути. Вот синие цифры 775 — напротив здания Крупна. Тут же дымящие трубы концернов Тиссена. Менее высокие. По числу жителей Дуйсбург занимает в Германии второе место по числу жителей, по числу жителей — паровоз. Остальные мелодичные колокола — тоже из этой стали.

Сейчас оновazioni по случало какогo-то праздника, но миа в хане слышалось другое.

— Когда тебе как-нибудь удобно, я сюда к тебе приеду? — Лосенба, директор музыкального театра. Ясь однеб одностепенности Дусбург и Гейм. Театр так и называется — Опера и балет, због сего балетного звання руск не мидателно на нидерландск. В Дусбурге постоиди, назидавши в нескольких десятках километрах — в Дюссельдорфе. Мы разговаривали с директором о предстоящи в Дусбурге концерте, о балетной программе, о предстоящи в Москве — последнем аккорде полугодового фестиваля музыки Дмитрия Шостаковича. Впервые за рубежом показывался его балет «Золотой век» — балет, в котором балетмейстеры, балетники, и вообще успех филарели превзошел все ожидания.

Я задавал простую вопрос — без всякого заднего мыслей: сколько зрителей ямщак театр, и директор ответил, что 1.118. А потом добавил: до войны было 1.650 мест. Во время налета союзной авиации в театр попала бомба, и в послевоенной реконструкции он явился 532 кресел. Мы продолжали говорить, а я непроизвольно к уму вчитал, умножал, делил, и самые разные факты всплывали в памяти.

О зима и думел я в дождливом Дуйсбурге под марширкий кокаконовый звон манкануе бабеттоны. Примеры Вольфа — еще один неожиданный итог войны: масштаб одного театра. Считаю приблизительно — за десять лет, пока театр лежал в руинах, из него не пришли около пяти миллионов зрителей, а затем (532 места умножить на 360 дней и 35 лет) — еще примерно пять с половиной миллионов человек. Вот цена одного толка бомбы, умноженной на время: за 45 лет в зал театра не пришли 10 миллионов.

Почти 50 миллионов человеческих жизней унесла вторая мировая война. Это несмываемый счет и позор фашизму на все времена от имени человечества и истории. Но возникшая в моем воображении цифра — десять миллионов — тоже возмездие фашизму. И это не абстрактные десятки миллионов, ибо фашизм стрелял в упор до последнего человека и в каждого человека в отдельности. Даже — а еще не родившихся.

Несколько лет назад в Гамбурге на антифашистской выставке среди экспонатов эпохи зарождения нацизма я увидел самую обыкновенную колючку. В ней лежал отпечатанный на машинке дискот с цитатой из речи Гитлера во Дворце спорта в Берлине 30 мая 1942 года. Он властвовал, что за десятилетия рожденья нацистской Германии увеличилась на два с половиной миллиона человек, и добывал при этом: «Нынешняя война не стала нам пока и десяти процентов тех человеческих жертв, что благодаря этому приросту спаслись у немцев». Вот для чего ему нужно

Сегодня в дуксбургский театр один не пришел только, кто был внакладе — театр, не хватало ни денег, ни зрителей, ни артистов. И в войну раньше, чем в мирное время, вместе с ними не пришли их неродившиеся дети. И я точно так же мог не сидеть в театре, если бы в октябре 41-го с Западной трибуны стадиона «Динамо» пулеметный трескующий след не прошел бы самолет, который пилировал на коленку эвакуирующихся из Москвы, — это героическое воспоминание, которое не забыть никогда. И тогда я узнавал бы в этом дуксбургском театре музыканта Дмитрия Шостаковича, если бы бомба попала в здание консерватории, на крыше которой нес свою декоративную в комбинацию пожаро-

Тогда его — 34-летнего — не назвали великим Улы, стать великим — посмертная привилегия. Живой может лишь подниматься по ступенькам судьбы, и кто может дать гарантию, что это ступень в небо! К своему величию Дмитрий Дмитриевич начал подниматься в 1941 году по прозябшим ступеням пожарной лестницы под разрывы вражеских бомб.

3 сентября 1941 года он записывал в записной книжке дату окончания мистовой партитуры первой части Ленинградского симфонии. 8 сентября, когда на город было сброшено 6377 зажигательных бомб, наметил эскизы второй части.

Через много лет, вспоминая на страницах «Советской культуры» работу над симфонией, Шостакович написал об этих сентябрьских днях: «Я постепенно замысел разросся. Главное, что мне захотелось важным раскрыть в музыке, — это любовь к людям, составляющим сплот культуры, цивилизации, жизни».

В МАЕ 1945 года в подполье фашистского рейхсканцелярии был найден дневник министра пропаганды Геббельса, который он вел в течение последних лет. В книге Елена Рубинская, аббреви-